

МОДУЛИ НАРРАТИВНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена проблеме поиска оснований для моделирования смысловой структуры нарратива, представляющего собой одну из наиболее развитых и сложных коммуникативных практик в современном социуме. Сравнение предлагаемых современной наукой способов моделирования сложных объектов свидетельствует о необходимости взаимодействия различных научных подходов в решении данной проблемы. Лингвистический анализ способов и принципов конструирования художественного мира позволяет обнаружить параметры взаимодействия сложных систем, описание и систематизация которых способны приблизить к возможному ответу на существующие вопросы.

Ключевые слова: *дискурс-анализ, наррация, коммуникация, моделирование, параметр, немецкий язык.*

Современный дискурс-анализ обнаруживает системность явлений, непосредственно связанных с построением последовательности высказываний в коммуникативном процессе. Речь в этом случае идет о дискурсе как об особом феномене, сущностной характеристикой которого является процессуальность, что отличает его системность от подробно исследованной в языкознании системности языка как совокупности языковых фактов.

Проблема, возникающая в связи с обращением к новым основаниям для моделирования этого процесса, формулируется как необходимость разработки модельных конструкторов, способных отразить специфику сложного явления, каким является дискурс, получающий в современной науке о языке интерпретацию в качестве *речемыслительного акта*, в котором познавательный акт получает закрепление познанного в форме языкового знака. Разнообразие и сложность явлений, характеризующих понятие «дискурс», превращает названную проблему в почти не разрешимую, что не лишает исследователей интереса к нему.

В фокусе современной лингвистики находится, в первую очередь, смысл, порождаемый функционированием языка в коммуникативных практиках, так как именно порождение смысла в процессе понимания

и взаимопонимания представляет собой основную цель коммуникативного процесса. Проблема смысла привлекает не только представителей гуманитарных наук, но и переносит постановку проблемы в плоскость естественно-научного знания, свидетельством чему может служить научное решение, предлагаемое И.А. Суровым [Суров 2023]. Исходя из положения о несостоятельности решений, предлагаемых психологией, социологией и экономикой, автор предпринимает попытку построить математическую модель смысла, признавая вместе с тем общепринятое мнение относительно невозможности его формализации. Последуем за его рассуждениями в надежде на успех предприняемой попытки.

В отличие от семиотической и лингвистической интерпретации прагматики как использования знака субъектом предлагаемое автором понимание прагматического смысла связывает его непосредственно с семантикой языковых единиц. Адекватным представляется вместе с тем признание зависимости смысла от контекста, что снимает для автора проблему многозначности языкового знака. Важным для нас тезисом данной авторской концепции является намерение выделить и описать освоенные и отлаженные поведенческие модули, ставшие значимой частью опыта индивида.

Для решения этой проблемы И.А. Суров предлагает ввести интерпретацию семиотического поведения личности как реализации отлаженных поведенческих программ, запускаемых индивидуумов в определенных контекстах, активность субъекта при этом может быть описана с помощью понятия «единица субъектного поведения», в основу которой положен двоичный выбор «делать – не делать» (в чем проявляется намерение автора построить квантовую модель прагматического смысла). Позиция автора представлена следующим образом: «Целевая поведенческая альтернатива 1-0 при этом выполняет функцию *разницы, порождающей значение* (“difference which makes a difference”), т. е. наделяет исходную информацию личным субъективно-практическим смыслом» [Суров 2023, 81].

Анализируя функциональный цикл в концепции Якоба фон Иксюля (1864 – 1944), отражающий авторскую интерпретацию взаимодействия личности с миром через непосредственную связь со средствами действия и восприятия, имеющимися в распоряжении субъекта в определенной ситуации, И.А. Суров приходит к пониманию структуры субъективного смысла как совокупности смысловых полей, организованных действиями и восприятием субъекта, что позволяет соотнести анализируемую концепцию с циклом управления с

обратной связью в кибернетике, где в качестве биологического управления предлагается эмоциональная система [Суров 2023: 82].

Накладывая другую модель, представляющую систему эмоциональных состояний в концепции Чарлза Осгуда (1916–1991) с тремя факторами, оценкой, активностью и силой, на функциональный цикл, И.А. Суров создает собственную математическую модель смысла, применимую, согласно его гипотезе, для алгоритмизации поведенческих реакций личности. Структура эмоционально-смыслового пространства субъекта принятия решений получает представление как синтез функционального цикла, положений квантовой теории, наложенных на пространство семантических факторов «оценка-сила-активность» [Суров 2023: 83]. Приходя к пониманию прагматического смысла как поведенческой альтернативы, для разрешения которой субъект формирует определенное эмоционально-смысловое состояние, автор предлагает решение проблемы личностного смысла с помощью гибридной модели эмоционально-смыслового пространства субъекта [Суров 2023: 85].

Виртуозность предлагаемого решения нарушается тем обстоятельством, что поведение человеческой системы приравнивается автором к поведению физических явлений (частиц), что становится свидетельством определенной противоречивости модели. Кроме того, несмотря на поставленную автором цель исследования прагматической семантики математическая модель предлагает интерпретацию структуры эмоционально-смыслового пространства сознания субъекта, но вербальное поведение индивидов, участвующих в это процессе, при этом не принимается в расчет.

Современная методология языкознания исследует язык как «живую систему», в которой «<...> значения и смыслы (или процессы понимания) связаны между собой деятельностью понимающего человека и являются разными и компонентами этой деятельности» [Щедровицкий]. В современной трактовке языковой деятельности сохраняет свое значение понимание значимости отбора, ценимое И.А. Суровым. Но оно получает описание не как двоичный выбор, а как процесс познания, успех которого определен целенаправленными, творческими и обусловленные способами ориентирования и регулирования действиями, их *интерактивность* (принадлежность к совокупности не-языковых действий) определяет возможности взаимодействия индивидуумов в социуме. В этом процессе определяющей является качество интенциональности, данности мира сознанию и устремленности сознания на вещи, характеризующее «активность

познавательного процесса и его целостность как свойства, непосредственно связанные с языком» [Серль 180].

В качестве основной конституирующей функции языка системный дискурсивный анализ определяет создание «дискурса о мире», речь при этом идет об изложении *в модусе субъекта*. Понимание того, что предметом лингвистики является не только автономная, подчиняющаяся внутренним законам система языка, но и деятельность индивидуумов, использующих язык, отражается в признании процесса создания текста коммуникативным языковым действием, а его восприятия – прагматическим актом [Heinemann 2002: 83]. Одновременно с признанием коммуникативно-познавательной деятельности как интеракции, успешность которой определена совместным действием обоих участников, дискурсивный анализ выделяет ее связь с говорящим субъектом. Проблемами языкознания становятся проблемы деятельности, поведения, символических действий и речевых актов.

Возможное решение данной проблемы предлагает концепция формирования *сложных форм вербального поведения*, общее название для которой – «модулярная теория», представленная в Германии работами В. Мотша, М. Брандта, Ю. Розенгрена, М. Бирвиша и др. [Brandt, Rosengren, Zimmermann 1989 – 1990]. Центральным положением этой теории является тезис *о гетерогенности систем, определяющих структуру текста как комплексного речевого продукта*.

Так, выделяя в качестве основных компонентов развиваемой им модели производства текста репрезентации, правила и принципы, Манфред Бирвиш относит к репрезентациям ментальные события (*mentale Zustände oder Verhaltensabläufe*) конкретные образцы поведения, демонстрирующие специфические свойства и признаки, видя в принципах генетически заложенные предпосылки для формирования познавательных систем (схемы): “<...> *im Organismus verankerte Grundlagen, die die Ausbildung der Kenntnissysteme ermöglichen oder steuern*”. К правилам относятся типичные элементы и их комбинации, свойственные существующим текстам. Важным положением модулярной теории является признание факта существования языковых механизмов производства, актуализации и дальнейшей разработки репрезентаций. В концепции М. Бирвиша содержится гипотеза относительно взаимодействия обозначенных систем, согласно которой взаимоотношения между концептуальной и грамматической системами описываются в терминах параметризации, что означает, что *«грамматические репрезентации содержат переменные, которые заполняются с участием элементов концептуальной системы»* [Motsch 1991: 49].

Исходя из выдвигаемой упомянутыми нами авторами гипотезы о существовании подобных переменных, обратимся к тексту известного рассказа Германа Гессе (1877 – 1962) “Glück” с целью определения параметров, свидетельствующих о взаимодействии систем разного порядка в процессе формирования смысла.

Концептуальная основа изложения в данном рассказе строится в согласии с авторской логикой и представляет собой последовательность выборов концептуальных структур, составляющих основу авторской рефлексии на тему «счастье». Исходным концептом становится генерализованное понятие «человек»: *Der Mensch, so wie ihn Gott gedacht und wie die Dichtung und Weisheit der Völker ihn manche tausend Jahre lang verstanden hat, ist geschaffen mit einer Fähigkeit, sich zu freuen an Dingen, auch wenn sie ihm nicht nützen, mit einem **Organ für das Schöne*** [Hesse 1988:369]. Приводя многочисленные примеры прекрасного в природе и в социальном мире, автор приходит к выводу относительно его значимости для существования человека: *...solange wird der Mensch seiner Fragwürdigkeit immer wieder Herr werden und seinem Dasein immer wieder Sinn zuschreiben können, denn **der «Sinn»** ist ja eben jene Einheit des Vielfältigen, oder doch jene Fähigkeit des Geistes, den Wirrwarr der Welt **als Einheit und Harmonie** zu ahnen.*

В ходе развертывания авторской мысли концепт “*das Schöne*” характеризуется через отношение к концепту “*der Sinn*”, который в свою очередь получает определение как способность сознания воспринимать хаос явлений как единство и гармонию. В исходной секвенции рассказа концептуальная архитектуроника повествовательного процесса (дискурса) формируется как последовательность (*das Schöne – Sinn – Einheit und Harmonie*).

Вербальные действия, которые Г. Гессе использует для формирования концептуального поля в этой фазе повествовательного процесса, образуют сеть ассоциаций, построенную в соответствии с *нелинейным* принципом и созданную приемом перечисления, призванным продемонстрировать преобладание прекрасного в мире: *<...> solange Menschen fähig sind, sich mitten in den Drangsalen und Gefährdungen ihres Lebens solcher Dinge zu freuen: eines Farbenspieles in der Natur oder im gemalten Bilde, eines Anrufes in den Stimmen der Stürme und des Meeres oder einer von Menschen gemachten Musik <...>.*

Концептуальным ключом для дальнейшего развития авторского дискурса становится концепт «язык», определению которого автор предпосылает серию эпитетов, включая данный концепт в рассужде-

ние через сравнение с концептом “Wunder (чудо)”: *Für den wirklichen Menschen <...> rechtfertigt sich Gott unaufhörlich durch solche (s) Wunder wie dies <...> daß es so etwas gibt etwas so Unbegreifliches, Zartes, aus Natur und Geist Geborenes, Vernünftiges und zugleich Übervernünftiges und Kindliches wie die Sprache* [Hesse 1988:370]. Нелинейный принцип сохраняет свою значимость в этой фазе повествовательного процесса. Необходимую для аргументации ассоциативную сеть формируют многочисленные сравнения: *<...> wie dies, dass es außer dem Kühlerwerden am Abend und dem erreichten Ende der Arbeitszeit auch noch so etwas gibt wie das Erröten der abendlichen Atmosphäre und die zauberisch gleitenden Übergänge vom Rosa ins Violett, oder dass es so etwas gibt wie die Verwandlung eines Menschengesichtes <...>*. Оба концептуальных пространства, созданные смысловыми проекциями (*das*) *Schöne – Sinn – Einheit und Harmonie* и *Sprache – Wunder*, существуют на этом этапе формирования концептуальной схемы параллельно, не вступая во взаимодействие, общим элементом, объединяющих их в линейную последовательность, становятся базовые концепты “*der Geist*” и “*der Gott*”, сохраняющие логику авторских рассуждений.

Г. Гессе вступает в дискуссию с принятым со времен В. фон Гумбольдта пониманием языка как «духа народа», предлагая свою трактовку этого явления: *<...> es ist auch für jeden einzelnen Menschen, sofern er nicht in einer noch sprachlosen Vorwelt oder in einer zu Ende mechanisierten und damit wieder sprachlos gewordenen Wirklichkeit lebt, die Sprache ein persönliches Eigentum* [Hesse 1988:370]. Язык как собственность индивидуума, ощущаемая и переживаемая в соответствии с собственным опытом, находит проявление в особых предпочтениях, свойственных не только поэтам. В этой фазе развития повествовательного процесса объективированное изложение, организованное латентным субъектом речи, чье интенциональное начало проявляет себя только в особой красочности и образности лексических репрезентаций, сменяется персонализированной повествовательной перспективой, в действие вступает собственно субъект речи и одновременно субъект рефлексии: *Ich könnte zum Beispiel eine ganze Menge von Versen und Gedichten nennen, welche ich durch Jahrzehnte geliebt habe und liebe, nicht ihres Sinnes, nicht ihrer Weisheit, nicht ihres Gehaltes an Erfahrung, Güte, Größe wegen, sondern einzig wegen eines bestimmten Reimes <...>*. Универсальность предшествующих тезисов сменяется личным переживанием, исповедальной тональностью изложения, создавая смысловой контрапункт изложения.

Следующая секвенция вновь возвращает читателя к общим понятиям, Г. Гессе признает свою принадлежность к братству поэтов, знающих цену слов: *Für unsereinen sind die Wörter dasselbe was für den Maler die Farben auf der Palette sind* [Hesse1988:371]. Структурирование концептуального пространства совершается с использованием приема конкретизации, вводящего элементы чувственного переживания, необходимого для определения центрального концепта изложения: *Unter den Wörtern gibt es für jeden Sprechenden Liebliche und Fremde, bevorzugte und gemiedene <...> Zu ihnen gehört für mich das Wort Glück* [Hesse 1988:371]. Дистанция между “für jeden Sprechenden” и “für mich” без усилий преодолевается благодаря общности и экспрессивной тональности предикации: *Liebliche und Fremde, bevorzugte und gemiedene*. В этой фазе повествовательного процесса отчетливо прослеживается взаимодействие обоих принципов, *линейного*, благодаря которому формируется концептуальная архитектура рассказа, и *нелинейного*, призванного соединить эмоционально-смысловую канву субъективного смысла с конструктивным, рациональным началом.

Рассказываемые в следующих секвенциях «истории», посвященные развитию тезиса о принадлежности языка и слова «счастья» каждой отдельной личности, призваны проиллюстрировать и подтвердить правоту авторских рассуждений, завершающих концептуальную схему изложения последовательностью “Glück – Harmonie – Gott“ : *Unter Glück verstehe ich heute etwas ganz Objektives, nämlich die Ganzheit selbst, das zeitlose Sein, die ewige Musik der Welt, das was andre etwa die Harmonie der Sphären oder das Lächeln Gottes genannt haben* [Hesse 1988:374]. Авторский дискурс, посвященный идее счастья, обнаруживает в своей основе сложную концептуальную архитектуру, организованную рождающимися в ходе развертывания авторского дискурса единствами: “*(das) Schöne – Sinn – Einheit und Harmonie*“, “*Wunder – Sprache – Geist – ein persönliches Eigentum*“, “*Glück – Harmonie – Gott*“.

Подводя итоги проведенным наблюдениям, отметим, что в процессе структурирования повествования прослеживается действие двух основных принципов, *линейного* и *нелинейного*, первый из которых позволяет сохранить единство и логику изложения, а второй служит воспроизведению субъективной эмоционально-смысловой программы изложения.

В нарративе, сформированном «историей», референтной основой изложения и актом рассказывания, реализующим авторскую

программу, именно акт рассказывания позволяет выделить параметры, фиксирующие точки взаимодействия систем, участвующих в повествовательном процессе. Ими становятся концепты, демонстрирующие в повествовательном процессе движение авторской мысли, их преобразование в составе концептуальных единств выступает как свидетельство деятельности реляционной природы художественного смысла и проявляет в этом процессе глубинное интенциональное содержание изложения. Основным референтом в создаваемой в повествовании ментальной модели становится мир как целостность, «образ мира» формируется в последовательности процедур, различающихся интенциональностью, способом представления объекта, определяющим конфигурацию мира дискурса. Необходимость учета режиссуры языковой интенции выводит в фокус исследования дискурса проблематику *базовых элементов и процессов*, участвующих в создании художественного мира.

Библиографический список

1. Суров И. А. Какая разница? Прагматическая формализация смысла // Искусственный интеллект и принятие решений. – 1/2023. – С. 78-87. [Электронный ресурс]. URL: <https://vernsky.ru/uploads/documents/64df8e2551c3c700016f2cae.pdf> (дата обращения: 24.12.2023).
2. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. Часть V. Знак. Значение. Смысл. Смысл и значение. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3961/3995> (дата обращения: 14.10.2023).
3. Серль Дж. Природа интенциональных состояний. [Электронный ресурс]. URL: <http://texts.news/filosofiya-uchebnik-besplatno/djon-serl-priroda-intentsionalnyih-18262.html> (дата обращения: 14.10.2023)
4. Brandt M., Rosengren I., Zimmermann I. Satzmodus, Modalität und Performativität // S&P. – 1989. – S. 1-42. Auch in: ZPSK 1990. – S. 120-149.
5. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. – 279 S.
6. Motsch W. Anforderungen an eine modulare Textanalyse // Sprache und Pragmatik, Arbeitsberichte. – 1991. – S. 47-61.

Источники

1. Hesse, Hermann. Glück // Kinderseele. Erzählungen. – Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1988. – S. 368-379.

NARRATIVE DISCOURSE MODULES

The article is devoted to the problem of finding grounds for modeling the semantic structure of narrative, which is one of the most developed and complex communicative practices in modern society. A comparison of methods for modeling complex objects proposed by modern science indicates the need for interaction between various scientific approaches in solving this problem. Linguistic analysis of the methods and principles of constructing the artistic world makes it possible to discover the parameters of the interaction of complex systems, the description and systematization of which can bring us closer to a possible answer to existing questions.

Key words: *discourse analysis, narration, communication, modeling, parameter, German.*